

Елена Гордеева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
elgord1@yandex.ru

Elena Gordeeva
National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
elgord1@yandex.ru

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

THANATOLOGICAL DISCOURSE
OF RUSSIAN BIBLIOGRAPHIC PERIODICALS OF THE END
OF THE 19TH — THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

На материале специализированных библиографических изданий и, прежде всего, *Библиографических известий*, журнала Русского библиографического общества, рассматриваются траурные тексты, посвященные деятелям русской культуры конца XIX — начала XX вв. Автор статьи показывает, что эти тексты вбирают в себя черты некролога, эпитафии и траурной речи. Сделан вывод о том, что некрологический текст в русской культуре указанного периода представляет собой гибридный жанр, включающий элементы журналистских, рекламных и PR-текстов.

Ключевые слова: некролог, эпитафия, траурная речь, библиографический журнал, *Библиографические известия*.

Based on materials of specialized bibliographic periodicals and especially *Bibliograficheskiye Izvestiya*, the magazine of Russian Bibliographic Society, we consider mourning texts dedicated to personalities of Russian culture in the late 19th and early 20th century. The author proves that these texts incorporate features of an obituary, an epitaph and an eulogy. It is concluded that an obituary text in Russian culture of this period is a hybrid genre that includes elements of journalistic, advertising and PR-texts.

Key words: obituary, epitaph, eulogy, bibliographic magazine, *Bibliograficheskiye Izvestiya*.

В научной литературе сложилась традиция обсуждения некрологических текстов, опубликованных в российских периодических изданиях, либо с учетом их жанрового своеобразия (Рейтблат 2014), либо с точки

зрения содержательного наполнения. Наиболее распространенным является второй подход, в рамках которого рассматриваются траурные тексты, посвященные конкретным личностям. В контексте литературоцентричного развития русской периодики чаще других анализировались некрологи, написанные на смерть писателя (Жилякова 2011; Ипатов 2016; Надточий 2022; Прохорова 2015; Соболева 2021; Строгонова 2016) и посвященные М. Ю. Лермонтову, Н. А. Некрасову, Ф. М. Достоевскому, А. П. Чехову и др. Нередко в подобных исследованиях в центре внимания не только личность героя некрологического текста, но и его автора, зачастую также известного писателя или философа (Н. М. Карамзина, В. С. Соловьева, М. А. Алданова и др.) (Картаусова 2010; Онипко 2018; Черкасова 2022).

С учетом преобладающих тематических предпочтений исследование танатологического дискурса обычно проводилось на материале универсальных или литературно-художественных изданий. Нам удалось выявить лишь статью Ю. В. Лазарева, посвященную некрологическим текстам в специализированной педагогической журналистике (Лазарев 2012). Подобное направление научных поисков, связанное с изучением траурных текстов в специализированной периодике, представляется нам перспективным, что найдет отражение в настоящей статье и будет распространено на российские библиографические журналы.

Предпринятое исследование предполагает не только введение в научный оборот нового эмпирического материала, но и уточнение некоторых аспектов в выделении жанров журналистики и публицистики. Нам представляется, что отдельные исследователи, пишущие о некрологах, слишком широко интерпретируют границы этого информационного жанра, функциональное назначение которого сводится к извещению аудитории о смерти, прежде всего, известных людей, что принципиально отличает его от такого художественно-публицистического жанра, как эпитафия. Как указывает исследователь в области теории жанров журналистики А. А. Тертычный, «в отличие от некролога, в котором превалирует информационное начало, т.е. сообщение читателю вполне конкретных данных из биографии усопшего, сведений о причине его смерти, месте и времени похорон, эпитафия выступает как напоминание о достоинствах умершего человека, представленных в их социальном аспекте» (Тертычный 2002: 294). Именно это делает эпитафию предельно оценочным и авторско-субъективным жанром.

Кроме того, некоторые попытки рассмотрения некролога как сложного жанра, взаимодействующего с другими типами текстов, требуют продолжения. Так, А. В. Громова, исследующая творчество Б. К. Зайцева, полагает, что «разновидностью жанра литературного портрета можно считать некролог» (2008: 112). Н. В. Картаусова, автор статьи «Некролог как своеобразная форма литературного портрета», как это ни парадоксально с учетом названия исследования, рассматривает «литературный портрет как жанр некрологической прозы» (2010: 99), вместе с тем, говорит о существо-

вании такого жанра как «некролог-портрет» и считает эпитафию одной из наиболее изученных форм некролога.

Несмотря на некоторые противоречия, подмеченные в подходах к изучению некролога, согласимся с большинством авторов в том, что, отличаясь большой свободой выражения, он может включать в себя элементы других жанров.

Следует учитывать не только размывание жанровых границ, совмещение в одном тексте признаков разных жанровых форм и их взаимовлияние, но и включение в некрологические тексты приемов из других сфер коммуникации, например, рекламы и PR.

А. А. Миронова правомерно заметила, что «неоднократное применение в начале XX в. жанра некролога в качестве рекламного позволяет говорить о формировании отношения к феномену рекламы, его “мимикрии” под любой жанр» (2011: 308).

Мы предлагаем рассматривать некрологический текст в русской культуре рубежа XIX–XX вв. как гибридный жанр, включающий в себя не только элементы журналистских и рекламных, но и PR-текстов, причем как письменных, так и тех, что рассчитаны на устную коммуникацию.

Исследователь жанровой системы современных PR-текстов А. Д. Кривоносов, подобно А. И. Рейтблату, автору статьи «Некролог как биографический жанр» (Рейтблат 2014: 195–202), считает некролог разновидностью биографии и отмечает, что в нем «структурой и собственно текстом подчеркивается связь умершего и фирмы, организации» (Кривоносов 2002: 176).

На рубеже XIX–XX вв. в России появились многочисленные профессиональные объединения в сфере издательского и книготоргового дела, демонстрирующие как серьезный подъем в данной отрасли, так и процессы формирования библиографической мысли. Большинство возникавших обществ обзаводилось собственными печатными органами. Так, Общество книгопродавцев и издателей выпускало книготорговый, издательский и литературный журнал *Книжный вестник* (1884–1916), создание Русского библиографического общества при Московском университете и Русского библиографического общества в Санкт-Петербурге также было сопряжено с изданием таких журналов, как *Книговедение* (1894–1896), *Литературный вестник* (1901–1904), *Библиографические известия* (1913–1927, 1929). Кроме периодики, выходившей при указанных обществах, на рубеже веков появляются многообразные библиографические журналы, издававшиеся при участии известных библиофилов, библиографов, людей, изучавших русскую печать и культуру.

В связи с тем, что в рассматриваемый период зачастую бытовало еще расширительное толкование понятия “библиография”, содержание отдельных изданий выходило за рамки программ журналов именно библиографической направленности. Называясь “библиографическими”, они выполняли функции книговедческих, а иногда и историко-литературных журналов. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, способствовало

в некоторых случаях их долговечности и формировало спрос на них читательской аудитории. По существу, эти издания являлись журналами, рассчитанными не столько на узкий круг профессионалов, сколько на всех, кто интересовался судьбами словесности, что при литературоцентричном характере развития дореволюционной российской культуры и журналистики соответствовало запросам более широкой аудитории образованных читателей. В связи с подобной дихотомичностью российских библиографических изданий, сопряженной с включением их в контекст как специализированной, так и универсальной периодики, представляется интересным проследить своеобразие их жанрового инструментария, в том числе связанного и с танатологическим дискурсом.

Отдельную группу среди интересующих нас текстов составляют традиционные некрологи, небольшие по объему, «стилистически нейтральные сообщения о смерти с кратким рассказом о жизненном пути покойного, его характеристикой» (Лазарев 2012: 111). Они присутствовали почти во всех библиографических журналах и объединялись в рубрику «Некролог». Однако, если подобный текст посвящался человеку, имевшему отношение к миру словесности, то наблюдалось содержательное и эмоциональное приращение смысла. Это прослеживается, например, в некрологической публикации *Книжного вестника*, размещенной в связи со смертью Е. Я. Панаевой: «Урожденная Брянская, дочь трагика Я. Г. Брянского, Е. Я. впоследствии вышла замуж за известного И. И. Панаева, издававшего в то время вместе с Некрасовым “Современник”. В последнем журнале начала свою литературную деятельность и Е. Я., под псевдонимом Н. Станицкого (1848 г.), повестями и романами. <...> Кроме “Современника”, она писала в “Иллюстрированном альманахе”, в “Сборнике для легкого чтения”, а в последнее время в “Историческом вестнике” и в “Русской жизни”, где были помещены ее мемуары, не отличающиеся, впрочем, большою достоверностью и беспристрастием» (Некролог: 146–147). Вернемся к мысли о рекламной функции, присущей некоторым некрологическим текстам рубежа XIX–XX вв. Перечисление изданий, в которых сотрудничал покойный, могло стимулировать их сбыт, а, значит, способствовать превращению некролога в библиографическую рекламу. Заметим также, что хотя анализируемый текст является анонимным, в нем присутствуют элементы оценочности, в частности не соблюдается один из основных принципов танатологического дискурса: “De mortuis aut bene aut nihil”. Анонимный автор текста не склонен к панегирическому стилю: «Талант Е. Я. не был выдающимся, но ее повестям и романам нельзя отказать в некоторого рода наблюдательности и живости» (Некролог: 146–147).

Согласимся с Ю. В. Лазаревым в том, что информационный некролог, зародившийся на страницах газеты, в специализированном журнале трансформировался: «Журнал, уступая газете в оперативности подачи информации, имел возможность выйти за пределы простой констатации, осмыслить факт смерти человека» (2012: 110), более рельефно показать его про-

фессиональную жизнь и те общечеловеческие ценности, которым он служил. Таким, например, является некролог М. И. Семевскому, издателю-редактору исторического журнала *Русская старина*, написанный его коллегой, редактором журнала *Библиограф* Н. М. Лисовским. В этом тексте подробно сообщается причина смерти, приводятся важные биографические сведения, выделяются основные этапы карьеры, в особенности те, что связаны с литературой и журналистикой, перечисляются 15 периодических изданий, в которых он участвовал, но особо выделяется его главное детище: «С 1-го января 1870 г. Мих. Ив. начал издавать “Русскую старину”, и вышедшие при его жизни 267 ежемесячных книжек этого журнала послужат лучшим памятником почившему неутомимому и энергичному труженику науки, который смиренно любил свое дело, умел находить для журнала зачастую очень ценный материал и на страницах своего издания дал много такого, что без Мих. Ив., быть может, даже еще покоилось бы в архивных связках мало кому доступных» (Н. Л. 1892: 137). И хотя этот текст подписан не полным именем журналиста, а криптонимом Н. Л., который иногда использовал известный исследователь российской периодической печати Лисовский, можно утверждать, что он несет на себе печать авторской личности, характеризуется особой эмоциональностью, выразительностью и оценочностью. Все это позволяет говорить о данной некрологической публикации как о материале, который сочетает в себе информационную и воздействующие функции, что включает его в публицистический дискурс.

К отдельной группе траурных публикаций исследователь Ю. В. Лазарев относит «некрологи-воспоминания»: «Публицистичность текстов этого типа определяется личностным отношением авторов, в качестве которых выступают либо ученики, либо коллеги» (2012: 113). Здесь важно не просто изложить жизненный путь героя, но и показать нравственные основы его личности, гражданскую позицию, профессиональные и общечеловеческие черты.

Некрологические тексты в библиографических журналах — это, как правило, развернутые публикации с подробным анализом деятельности покойного и ярко выраженной авторской интенцией (скорее эпитафия, чем некролог), поскольку написаны они были коллегами умершего, где «биограф, реконструируя жизнь своего персонажа, создавая ему биографию, идентифицируется с ним, “собирает” тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности» (Рейтблат 2014: 189).

Мы солидаризируемся с Е. А. Черкасовой, утверждающей, что жанр авторского некролога должен быть отделен от неавторской заметки (2022: 331). В авторских траурных текстах происходит переработка собственного жизненного опыта публициста, что связано в том числе с диалогичностью подобных публикаций, с созданием диалога на уровнях автор — умерший, автор — читатель, читатель — умерший и др.

Особый интерес с точки зрения публикации авторских траурных текстов представляет журнал *Библиографические известия* — орган Русского библиографического общества (РБО) при Московском университете, бессменным редактором которого был Б. С. Боднарский. Уже в 1913 году, первом для издания журнала, Боднарский создает авторские некрологи на смерть членов Общества. Так, в некрологическом тексте, посвященном Ю. П. Шидловскому, читаем: «Без чувства невыразимой боли нельзя было глядеть 3 марта (в день похорон Ю. П.) на великолепные шкафы, расставленные по стенам обширной квартиры покойного, на все (их много) ящики каталога, на всю ту книжную роскошь, которая пережила своего хозяина... Последняя незаконченная полка, последняя недописанная стопка библиотечных карточек были немymi свидетелями той трагедии, которая совершилась. <...> Беспощадная смерть похитила его в тот момент, когда жизнь наиболее властно влекла его к себе <...>; когда он начал пожинать плоды своей культурно-трудовой жизни, видя вокруг себя сплоченную группу преданных ему и готовых идти по одной с ним дороге людей... Пусть же память о нем будет светочем для этих осиротелых путников, из среды которых неумолимая судьба вырвала любимого друга-вождя» (Боднарский 1913: 170). Хотя этот текст несет на себя печать корпоративной солидарности и направлен на поддержание корпоративной культуры членов РБО, в целом он несколько удивляет использованием ярких эпитетов, цветистых метафор и общим пафосным стилем, который Боднарский как автор некрологов сумел преодолеть в послереволюционный период.

В 1920 г. Б. С. Боднарский становится председателем Общества. Именно благодаря его лояльности к новой власти какое-то время удавалось сохранить и РБО, и его издание. Однако полиграфический кризис, разразившийся в то время в стране, не мог не отразиться на издании журнала. С августа 1918 г. из-за полного отсутствия средств выход *Библиографических известий* был приостановлен, хотя подготовка номеров продолжалась. Издание журнала возобновилось лишь в 1922 г., когда был напечатан № 3/4 за 1917 г. Как видим, говорить об оперативности издания не приходилось, что отразилось и на публикации траурных текстов (необходимость печатать традиционные некрологи, извещавшие о смерти членов Общества, фактически отпала, поэтому на первый план выходит эпитафия). Номера за 1918 г. вышли в 1923 г. С 1921 по 1929 г. журнал превратился в ежегодное издание: 4 номера выходили в одной книжке.

В *Библиографических известиях* сотрудничали выдающиеся российские библиографы, библиотекари, деятели культуры, такие как С. А. Венгеров, Н. В. Здобнов, М. Н. Куфаев, Н. М. Лисовский, А. М. Ловягин, Н. А. Рубакин, А. Д. Торопов и др. Примечательно, что жизненный путь большинства из них закончился либо сразу после Октябрьской революции, либо в 20-е годы.

Именно поэтому одним из жанров, часто встречаемых на страницах *Библиографических известий*, становится “библиографический некролог”

(Орлов 1924: 28), посвященный тем членам Общества, которые зачастую преждевременно умирали, не сумев вынести революционных потрясений. С 1917 по 1924 г. РБО потеряло 28 действительных своих членов и 11 сотрудников. В 1910–1930-е гг. Б. С. Боднарский более 30 раз выступал на заседаниях Общества с докладами, посвященными памяти своих коллег и обнаружил способность «создавать живые, яркие, выпуклые, словно движущиеся, словесные портреты» (Берков 1957: 54). Тексты этих выступлений публиковались в *Библиографических известиях*. Размещение на страницах журнала многочисленных траурных публикаций осуждалось некоторыми членами Общества (Васькова 1989: 114). Как бы то ни было, но именно эти библиографические некрологи документируют историю не только Русского библиографического общества, но и России в целом, иллюстрируют, в большинстве случаев, трагические последствия новых социально-экономических реалий для судеб людей, преданно служивших делу русской книги.

Так, на страницах № 3/4 журнала за 1920 г. находим некрологический текст, написанный самим редактором, в связи с кончиной С. А. Венгерова. Среди прочего читаем: «В последнее время личная жизнь С. А. сложилась для него ужасно. Точно по мановению злого жезла, семья его распалась: отошла в вечность жена, за ней — почти все дети <...>. С. А. остался одиноким. Желая заглушить душевную боль, он весь ушел в библиографию, он буквально забывал себя, — даже питался, можно сказать, случайно — с уличных лотков. Этим он и добил свой, казалось, еще очень крепкий организм: схватил дизентерию, и, несмотря на все усилия врачей, погиб» (Боднарский 1920: 58). Обычно некрологическая литература данного периода носила не только ретроспективный, но и перспективный характер. Библиографам хотелось верить в то, что дело их учителей и коллег будет развиваться, а жизнь, отданная служению книге, прожита не напрасно, о чем, в частности, свидетельствует концовка данного некролога: «Угасла жизнь большого библиографа. Но живы его труды, живы и многие близкие свидетели этих трудов. Эти свидетели, эти друзья С. А. ныне группируются в созданном покойным научном библиографическом центре — Институте книговедения. И мы верим, что в их руках дело С. А. будет развиваться во славу почившего» (Боднарский 1920: 58).

Отечественные книговеды и библиографы со своими коллекциями редчайших книг, персонифицируемыми в танатологическом дискурсе *Библиографических известий*, нуждались в опеке, в подходящих условиях, в стабильности. Социальные потрясения, вызванные революцией, убивали их и их книжные сокровища, даже если они и принимали новую Россию, как это было в случае с Н. М. Лисовским, известным каждому исследователю в области истории журналистики по книге «Русская периодическая печать».

После его смерти, наступившей в 1920 г., журнал *Библиографические известия* не только дает некролог «Памяти Н. М. Лисовского», написанный Боднарским, но практически весь номер (№ 1/4) за 1921 г. посвящает

этому деятельному члену РБО (А. Г. Фомин «Н. М. Лисовский как пионер академического преподавания книговедения в России», А. И. Малейн «Николай Михайлович Лисовский и его “Библиограф”», С. И. Синяев «Труды Н. М. Лисовского в области русской периодической печати»).

В тексте Боднарского, посвященном Н. М. Лисовскому, читаем: «Следуя хронологически за трудами и днями Н. М., мы подходим к новой полосе в государственной жизни русского общества — “октябрьским дням”. <...> Безумцы, во образе анархистов, устроив свою цитадель в доме бывш. Купеческого клуба на Дмитровке, находящемся визави дома, в котором жил Н. М., без дальних слов решили захватить и этот дом, выселив предварительно из него всех обитателей. Спешно выбраться Н. М. было абсолютно невозможно. Действительно, для тех, кто хотя бы раз видел книжную обстановку Н. М., ясна невыполнимость анархических требований» (Боднарский 1921: 12).

Трагическим обстоятельством, доведшим до самоубийства Д. В. Ульянинского, почетного члена РБО, неоднократно публиковавшегося на страницах журнала, посвящен практически весь № 1/2 *Библиографических известий* за 1918 г. В некрологе «Памяти Д. В. Ульянинского», написанном Р. Брандтом, находим следующее: «Любовь свою к книге Д. В. Ульянинский запечатлел смертью. Лишенный советским правительством места и квартиры, он совершенно потерялся при мысли о судьбе своего книжного сокровища, пошел на Курский вокзал и лег под поезд...» (Брандт 1918: 4). Особенностью послереволюционных траурных текстов, размещаемых в библиографических журналах, был их особый социально-критический пафос, что могло, в частности, вызывать и цензурные проблемы с публикацией. Подобные материалы акцентировали не только нравственные ориентиры героя текста, но и гражданскую позицию автора, высвечивая его диалогические отношения как с умершим, так и с читательской аудиторией.

Выпуску номеров *Библиографических известий*, посвященных наиболее деятельным членам РБО, предшествовали особые заседания Общества: «Таковы были собрания, посвященные памяти Николая Михайловича Лисовского, Дмитрия Васильевича Ульянинского и Удо Георгиевича Иваска, — тех, которые беззаветно любили книгу и сгорели в пламени этой любви» (Орлов 1926: 9). Тексты докладов, посвященные памяти членов Общества, зачитанные Боднарским и его коллегами на этих заседаниях, впоследствии публиковались на страницах *Библиографических известий*. Именно эти тексты в значительной степени определили своеобразие танатологического дискурса данного журнала.

Исследователи Н. А. Горностаева и М. А. Кулинич выделяют такие жанры танатологического дискурса, как некролог, письмо-соболезнование, надгробную речь и эпитафию. При этом они отмечают, что хотя надгробная речь «изначально подразумевает устное выступление, она является продуктом письменного творчества и обладает основными характеристиками написанного текста»; «характеризуется высокой информативностью,

т.к., по сути, представляет собой краткое изложение жизненного пути покойного, перечисление основных пунктов биографии, качеств личности и достижений» (2014: 47, 49). Таким образом, особенность траурных материалов на страницах *Библиографических известий* определяется не только отсутствием возможности оперативного отклика на смерть коллеги и превалярованием в силу этого обстоятельства признаков эпитафии в них, но и включением в эти гибридные тексты элементов надгробной (траурной) речи, поскольку доклады, посвященные памяти членов Общества, приобретали новый формат в результате их публикации.

Следовательно, некрологические тексты журнала создавались не только по канонам письменной коммуникации, в арсенале их создания были и приемы риторического искусства. Это способствовало тому, что в траурных публикациях *Библиографических известий* использовались, например, риторические вопросы. Так, в уже упоминавшемся тексте Б. Боднарского «Памяти Н. М. Лисовского» читаем о работе Общества в период Первой мировой войны: «Благодаря Н. М. все же не заглохла жизнь О-ва. <...> Да и мог ли иначе поступить Н. М., для которого библиография была такой же потребностью, как свет и воздух? Для которого жизнь вне библиографических интересов буквально теряла всякий смысл?» (Боднарский 1921: 2-3). В некоторых случаях в некрологических текстах даже используется шутка. Например, говоря об умершем книготорговце А. А. Астапове, автор некролога Л. Бухгейм отмечает: «лавка его вскоре превращается в своего рода клуб, или, как шутя называли ее "книжный парламент", где ежедневно с утра и до позднего вечера велись книжные беседы, в которых особенно горячее участие принимал сам хозяин, кстати сказать, большой охотник до разговоров» (Бухгейм 1918: 33). Один из самых сильных приемов устного публичного выступления — антитеза — тоже неоднократно использовался в траурных текстах, опубликованных в *Библиографических известиях*. Так, в некрологе, посвященном члену Общества А. И. Калишевскому, редактор журнала писал: «Внешняя суровость А. И. была тогой, которой он прикрывал наготу своего сердца, излишне мягкого. И лишь только спадала эта тога, перед нами был добрый и милый человек, веселый и остроумный собеседник, наделенный в изобилии всей гаммой чувств — от запальчивости и до сентиментальности» (Боднарский 1925: 224).

Подводя итоги, следует отметить, что траурные тексты, написанные председателем Русского библиографического общества Б. С. Боднарским и его коллегами и опубликованные на страницах *Библиографических известий*, безусловно, имели своей целью не только отдать дань уважения выдающимся деятелям книги, но и напомнить читателям о самоотверженной борьбе Русского библиографического общества и его периодического издания в послереволюционный период. Жанрово-многослойные и полифункциональные публикации специализированной библиографической периодики, извещающие о кончине известных писателей, издателей, книготорговцев и членов профессиональных объединений, вбирают в себя

элементы информационного некролога, художественно-публицистической эпитафии и траурной речи с ее приемами ораторского искусства. На страницах библиографических журналов подобные материалы представляли собой развернутые диалогичные тексты с ярко выраженной авторской интенцией, повествующие о вкладе умершего в развитие той отрасли русской культуры, в которой он прославился и с которой было связано его служение стране и собственной корпорации. Танатологический дискурс библиографических журналов в некоторых случаях до сих пор остается единственным источником о жизнедеятельности отдельных представителей русской культуры конца XIX — начала XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков Павел. «Б. С. Боднарский как ученый и общественный деятель (К 50-летию его библиографической работы)». *Советская библиография* XLVI (1957): 54.
- Боднарский Богдан. «Ю. П. Шидловский». *Библиографические известия* II (1913): 37–39.
- Боднарский Богдан. «С. А. Венгеров». *Библиографические известия* III–IV (1920): 57–58.
- Боднарский Богдан. «Памяти Н. М. Лисовского (Московский период библиографической деятельности покойного)». *Библиографические известия* I–IV (1921): 1–14.
- Боднарский Богдан. «Памяти А. И. Калишевского». *Библиографические известия* I–IV (1925): 221–224.
- Брандт Роман. «Памяти Д. В. Ульянинского». *Библиографические известия* I–II (1918): 3–4.
- Бухгейм Лев. «А. А. Астапов». *Библиографические известия* I–II (1918): 53–55.
- Васькова Н. И. «Б. С. Боднарский и Русское библиографическое общество». *Книга: исследования и материалы*. Сборник 59. Москва: Изд-во «Книжная палата», 1989: 110–120.
- Горностаева Наталья, Кулинич Марина. «Дань памяти как речевой жанр: линвопрагматический аспект». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* XC/V (2014): 46–51.
- Громова Алла. «Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* LXIII/VII (2008): 108–114.
- Жиликова Наталья. «Чехов и томская журналистика: три некролога». Новикова Елена (ред.). *Чехов и время*. Томск: Издательство Томского университета, 2011: 311–319.
- Ипатова Светлана. «“Пушкин, Лермонтов и Некрасов”: надгробная речь Ф. М. Достоевского о Н. А. Некрасове и полемика в некрологической литературе». Мальцева Татьяна (ред.). *Пушкинские чтения-2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст*. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2016: 238–255.
- Картаусова Наталия. «Некролог как своеобразная форма литературного портрета». *Ценности и смыслы* IX/VI (2010): 90–100.
- Кривоносов Алексей. *PR-текст в системе публичных коммуникаций*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2002.
- Лазарев Юрий. «Образ преподавателя словесности в некрологах конца XIX — начала XX века». *Психолого-педагогический поиск* XXIII (2012): 110–121.
- Миронова Александра. *Русская реклама в аспекте диахронической стилистики: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Челябинск, 2011.
- Надточий Екатерина. «К истории одного неуспеха: некрологи С. С. Боброву и формирование посмертной репутации писателя». *Культура и текст* XLIX/II (2022): 131–138.
- «Некролог». *Книжный вестник* IV (1893): 144–147.
- Н. Л. «Михаил Иванович Семевский». *Библиограф* III (1892): 135–144.
- Онипко Кира. «Первые русские некрологи: герои и контексты». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* CLXX (2018): 83–87.

- Орлов Николай. «35-летие Русского библиографического общества при Московском университете». *Библиографические известия* I–IV (1924): 1–36.
- Орлов Николай. «Русское библиографическое общество при Московском университете в 1917–1924 гг.». *Библиографические известия* I–IV (1926): 7–12.
- Прохорова Ирина. «Жанр “журналистского” некролога писателю и прощание с М. Ю. Лермонтовым». *Русская литература и журналистика в движении времени* I (2015): 145–182.
- Рейтблат Абрам. *Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
- Соболева А. Р. «Некролог как форма социальной памяти (на примере некрологов о Ф. М. Достоевском)». Акелькина Елена (ред.). *Достоевский в смене эпох и поколений*. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021: 270–273.
- Строганова Евгения. «Н. Д. Хвощинская: портрет писательницы в некрологах». *Русская литература* III (2016): 182–188.
- Тертышный Александр. *Жанры периодической печати: Учебное пособие*. Москва: Аспект Пресс, 2002.
- Черкасова Екатерина. «Жанр некролога в наследии В. С. Соловьева». *Научный диалог* 11/I (2022): 327–344.

REFERENCES

- Berkov Pavel. «B. S. Bodnarskij kak uchenyj i obshchestvennyj deyatel' (K 50-letiju ego bibliograficheskoj raboty)». *Sovetskaya bibliografiya* XLVI (1957): 54.
- Bodnarskij Bogdan. «Yu. P. Shidlovskij». *Bibliograficheskie izvestiya* II (1913): 37–39.
- Bodnarskij Bogdan. «S. A. Vengerov». *Bibliograficheskie izvestiya* III–IV (1920): 57–58.
- Bodnarskij Bogdan. «Pamyati N. M. Lisovskogo (Moskovskij period bibliograficheskoj deyatelnosti pokojnogo)». *Bibliograficheskie izvestiya* I–IV (1921): 1–14.
- Bodnarskij Bogdan. «Pamyati A. I. Kalishevskogo». *Bibliograficheskie izvestiya* I–IV (1925): 221–224.
- Brandt Roman. «Pamyati D. V. Ul'yaninskogo». *Bibliograficheskie izvestiya* I–II (1918): 3–4.
- Buhgejm Lev. «A. A. Astapov». *Bibliograficheskie izvestiya* I–II (1918): 53–55.
- Cherkasova Ekaterina. «Zhanr nekrologa v nasledii V. S. Solov'eva». *Nauchnyj dialog* 11/I (2022): 327–344.
- Gornostaeva Natal'ya, Kulinich Marina. «Dan' pamyati kak rechevoj zhanr: lino pragmaticheskij aspekt». *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* XC/V (2014): 46–51.
- Gromova Alla. «Zhanrovyje raznovidnosti literaturnogo portreta v nasledii B. K. Zajceva». *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki LXIII/VII (2008): 108–114.
- Ipatova Svetlana. «"Pushkin, Lermontov i Nekrasov": nadgrobnaya rech' F. M. Dostoevskogo o N. A. Nekrasove i polemika v nekrologicheskoj literature». Mal'ceva Tat'yana (red.). *Pushkinskie chteniya-2016. Hudozhestvennyje strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst*. Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina, 2016: 238–255.
- Kartausova Nataliya. «Nekrolog kak svoeobraznaya forma literaturnogo portreta». *Cennosti i smysly* IX/VI (2010): 90–100.
- Krivososov Aleksej. *PR-tekst v sisteme publicnyh kommunikacij*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2002.
- Lazarev Yurij. «Obraz prepodavatelya slovesnosti v nekrologah konca XIX — nachala XX veka». *Psihologo-Pedagogicheskij poisk* XXIII (2012): 110–121.
- Mironova Aleksandra. *Russkaya reklama v aspekte diahronicheskoj stilistiki*. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk. CHelyabinsk, 2011.
- Nadtochij Ekaterina. «K istorii odnogo neuspekha: nekrologi S. S. Bobrovu i formirovanie posmertnoj reputacii pisatelya». *Kul'tura i tekst* XLIX/II (2022): 131–138.
- «Nekrolog». *Knizhnyj vestnik* IV (1893): 144–147.

- N. L. «Mihail Ivanovich Semevskij». *Bibliograf* III (1892): 135–144.
- Onipko Kira. «Pervye russkie nekrologi: geroi i konteksty». *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* CLXX (2018): 83–87.
- Orlov Nikolaj. «35-letie Russkogo bibliograficheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete». *Bibliograficheskie izvestiya I–IV* (1924): 1–36.
- Orlov Nikolaj. «Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo pri Moskovskom universitete v 1917–1924 gg.». *Bibliograficheskie izvestiya I–IV* (1926): 7–12.
- Prohorova Irina. «Zhanr “zhurnalistskogo” nekrologa pisatelyu i proshchanie s M. YU. Lermontovym». *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni* I (2015): 145–182.
- Rejtblat Abram. *Pisat' poperek. Stat' i po biografike, sociologii i istorii literatury*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Soboleva A. R. «Nekrolog kak forma social'noj pamyati (na primere nekrologov o F. M. Dostoevskom)». Akel'kina Elena (red.). *Dostoevskij v smene epoh i pokolenij*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2021: 270–273.
- Stroganova Evgeniya. «N. D. Hvoshchinskaya: portret pisatel'nicy v nekrologah». *Russkaya literatura* III (2016): 182–188.
- Tertychnyj Aleksandr. *Zhanyy periodicheskoy pechati*: Uchebnoe posobie. Moskva: Aspekt Press, 2002.
- Vas'kova N. I. «B. S. Bodnarskij i Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo». *Kniga: issledovaniya i materialy*. Sbornik 59. Moskva: Izd-vo «Knizhnaya palata», 1989: 110–120.
- Zhilyakova Natal'ya. «Chekhov i tomskaya zhurnalistika: tri nekrologa». Novikova Elena (red.). *Chekhov i vremya*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2011: 311–319.

Јелена Гордејева

ТАНАТОЛОШКИ ДИСКУРС РУСКЕ БИБЛИОГРАФСКЕ ПЕРИОДИКЕ
КРАЈА XIX — ПОЧЕТКА XX ВЕКА

Резиме

У раду се постављају дискусиона питања научног дискурса посвећеног жанру некролога. Аутор у традиционални некролог сврстава искључиво омање, стилски неутралне информативне публикације о смрти, по правилу, познатих особа. Питање важно за теорију публицистичких жанрова разматра се на примеру руских библиографских часописа с краја XIX — почетка XX века (Књижевни весник, Библиограф и др.), у којима се очитује књижевноцентрични карактер развоја руског новинарства и културе. На материјалу библиографске периодике показују се особености танатолошког дискурса стручне штампе који се први пут уводи у научну употребу у оквиру овог рада. Посебна пажња посвећује се посмртним материјалима часописа Руског библиотечног друштва (РБД) Библиографске новости (рус. Библиографические известия, 1913–1927, 1929). Објављивање у часопису текстова реферата посвећених успомени на чланове РБД — познате прегаоце руске културе, условило је у постреволуционарном периоду укључивање у танатолошки дискурс Библиографских новости не само елемената информативног некролога, ауторско-субјективног епитафа, већ и посмртне говоре, којима су својствени поступци реторичке уметности.

Кључне речи: некролог, епитаф, посмртни говор, библиографски часопис, Библиографске новости (рус. *Библиографические известия*).